

В. М.
ШУЛЯТИКОВ

Владимир Михайлович Шулятиков

И. Ф. Горбунов

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=662435

Аннотация

«Среди пестрой толпы «народных» типов, выведенных в комедиях Островского, недостает одного: талантливейший из русских драматургов, давший первую по времени широкую картину народной жизни, обрисовавший быт самых различных слоев русского общества, последовательно избиравший своих героев среди купцов, мещан, крестьян, приказчиков, чиновников, интеллигентных пролетариев, не остановил своего внимания на типе фабричного мастерового. ... Как раз под одной кровлей с Островским некоторое время жил тогда художник слова, заинтересовавший столичную интеллигенцию рассказами из фабричного быта. ...»

Содержание

Владимир Шулятиков

И. Ф. Горбунов

Среди пестрой толпы «народных» типов, выведенных в комедиях Островского, недостает одного: талантливейший из русских драматургов, давший первую по времени широкую картину народной жизни, обрисовавший быт самых различных слоев русского общества, последовательно избиравший своих героев среди купцов, мещан, крестьян, приказчиков, чиновников, интеллигентных пролетариев, не остановил своего внимания на типе фабричного мастерового. А между тем тип «фабричного» еще тогда, когда Островский писал свои ранние произведения, заставлял говорить о себе в интеллигентных кружках, начинал завоевывать себе права гражданства в области изящной литературы. Как раз под одной кровлей с Островским некоторое время жил тогда художник слова, заинтересовавший столичную интеллигенцию рассказами из фабричного быта.

Иван Федорович Горбунов – имя этого «рассказчика» – сам был сыном фабричной среды, вызрел из ее недр. Он родился в семье крестьянина, работавшего на одной из подмосковных фабрик. Но познакомиться с фабричной работой на собственном опыте Горбунову не пришлось: он имел возможность получить довольно порядочное образование, прошел пять классов гимназического курса, затем посещал (тай-

ным образом) лекции в Московском университете; пробелы и недочеты школьного образования он пополнил разносторонним чтением... И расставшись с фабричной средой, он вступил в ряды интеллигентного пролетариата.

Вступив в ряды интеллигентного пролетариата, он принес с собой как дар, полученный в наследство от родной среды, силу критического ума, свежесть непосредственного чувства и ясность художественного воображения. Но эти качества не нашли себе должного применения: его дарование, обещанное, судя по его первым опытам, развиться впоследствии в крупный сатирический талант, не могло ярко проявить своих особенностей.

Горбунов на первых шагах своего знакомства со столичной интеллигенцией близко сошелся с кружком лиц, проникнутых духом исключительного национализма, ставивших своим идеалом облагороженные патриархальные отношения, – с «молодой редакцией Москвитянина». «Молодая редакция Москвитянина» первая приветствовала его как литератора, первая признала за ним выдающееся художественное дарование. Горбунов поддался ее влиянию. Под ее влиянием он «оформил» свое мирозерцание: она сообщила ему преувеличенное понятие о «самобытности и народности», она заставила его односторонне взглянуть на совершавшийся перед его глазами процесс «европеизации», низко оценить блага новой цивилизации, она дала одностороннее направление его таланту, она подрезала крылья его кри-

тическому задору.

Сатирик умер в Горбунове. Горбунов не поднялся выше «милого и добродушного» юмора¹. Его «комизм» остался по преимуществу внешним комизмом.

Все поклонники его таланта должны признать, что появившиеся в печати его рассказы и сцены далеко не передают всего того содержания, которое вкладывал в них сам автор. «Талант его, – заявляет один из этих поклонников, восстановивший по своим воспоминаниям текст многих услышанных им рассказов Горбунова, – проявлялся сильнее всего в живой, изустной речи, а потому невозможно вызвать всю сопутствующую ей неувловимую игру лица и голоса, которые составляли истинную душу и несравненную прелесть его рассказов. В этом отношении повторить их уже нельзя и

---

¹ Так определяет особенность его комического таланта г. А. Кони, в своей статье, предпосланной изданию сочинений Горбунова. – *Прим. В. Шулятикова*. Иван Федорович Горбунов (1831–1895) – автор сцен из быта городского мещанства и крестьянства последней трети XIX в., рассказчик и актер. Основные персонажи его творчества – «безответственные» пред «законом» станового крестьяне, забитые «мастеровые», мещане и купцы периода первоначального накопления. Для слушателей Горбунова – особенно «высшего общества» столиц – его мещанские персонажи были своеобразной «экзотикой». В мастерской устной передаче Горбунова большой популярностью пользовался тип отставного генерала Дитятина – николаевского служаки, откликающегося со своей архаической точки зрения на текущие события. Собрание сочинений Горбунова в 2 томах под ред. Кони А. Ф. вышло в 1901 г. в Санкт-Петербурге. Анатолий Федорович Кони (1844–1927) – российский юрист и общественный деятель, член Государственного совета, почетный академик Петербургской АН, профессор Петроградского университета (1918–1922), автор очерков и воспоминаний «На жизненном пути», выдающийся судебный оратор.

не слышавшие Горбунова навсегда лишены возможности ясно представить себе всю силу его ... таланта».

В интонации и мимике заключалась сила его рассказов, интонация и мимика придавали им особенную живость, колоритность и изобразительность. Без мимических пояснений сжатый слог рассказов Горбунова теряет значительную долю своей силы, не производит надлежащего впечатления та или иная фраза, то или иное выражение, которые в изустной передаче получали особенный смысл, которые с особенным ударением подчеркивались самим «рассказчиком»; при чтении они кажутся бесцветными, пропадают мало замеченными.

Текст рассказов и сцен Горбунова бессилён воссоздать те пластические образы, с которыми имели дело слушатели талантливой рассказчика.

Именно на внешнюю пластику Горбунов расходовал, главным образом, свои творческие способности. Он, прежде всего, старался, чтобы с внешней стороны созданный им образ был безукоризнен, чтобы изображаемый им тип был наделён внешними признаками, характеризующими его, он мало заботился о глубине психологического анализа, он обращал исключительное внимание на внешние проявления душевной жизни; он старался, главным образом, чтобы жесты, телодвижения, мимика, манера говорить, интонации голоса, особенности языка выводимых им на сцену лиц говорили о верности его воссоздания «действительности».

Изображая «истинные основы жизни русского народа», Горбунов никогда не доискивался «корня», не всматривался в «сущность вещей». Его взгляд всегда останавливался на поверхности общественных явлений. Он всегда рисовал внешнюю сторону общественной жизни.

В своих рассказах из фабричного быта он не заглядывал вглубь мастерских, не пытался осветить характерных социальных условий фабричного быта.

Его мастера и рабочие – это горькие пьяницы, любящие весело пожить и погулять, поухаживать за женским полом, люди «продувные», нередко мечтающие о том, как бы устроиться «потеплее».

У дверей кабинета ведут беседу трое фабричных:

«– Я, брат, все степени прошел! В каких я мастерских не находился, в какой я должности не жил! Это нам ничего!.. Женился бы на купчихе.

– На купчихе жениться важно!

– На что лучше!

– А нам хоть бы на мешаночке бог привел. Есть в Москве эдакие, которые, значит, по мастерству по какому...

– Хошь, я тебе твою фортуна сделаю – женю тебя? Ундерову дочь возьмешь? Вот, братцы, сказывал я вам, аль нет? Чудно уж очень!.. Жил насупротив нашей фабрики ундер... Только раз, в воскресенье, вышел я за ворота, гляжу – у его под окошком сидит дамочка и смотрит на меня... Вот я к окошку-то и подошел. Погода, говорит, очень пре-

красная... гулять вышли? Так точно, говорю, потому теперича гулять очень вольготно. Вышла бы, говорит, и я, да компанию мне водить не с кем... Вы по какой части? Так и так, говорю; у своего хозяина в племянниках живем... Ну вот, голова, целое лето я к ним ходил; опричь жениха мне и званья не было: жених да жених; Рублев сорок денег я у ундера-то забрал; а уж что мы с этим ундером сладкой водки выпили. Она, бывало, романцы поет, а мы пьем да про войну разговариваем. Пошел я тогда на Покров в деревню – всю эту канитель-то и бросил»².

В этом же духе написаны и остальные сцены из быта фабричных. Единственное достоинство подобного рода сцен – образность слога³.

Образный, живой язык вообще составляет положительное достоинство произведений Горбунова. Подобно большинству беллетристов «молодой редакции Москвитянина», Горбунов в высшей степени ревностно изучал народные говоры и разговорную народную речь, изучал стилистические особенности языка различных общественных групп. В области языка он был редким знатоком... Он в совершенстве даже изучил язык старинных памятников русской литературы. С замечательным искусством умел подделывать под стили

---

² Фрагмент произв. И. Горбунова «На празднике. Сцены из народного быта» (1860). Цитируется с сокращениями и неточностями.

³ Хотя необходимо иметь в виду, что даже подобные сцены из фабричного быта в свое время являлись своего рода новостью для литературы и имели большой успех. – Прим. В. Шулятикова.

посланий, грамоты и челобитных XVII и XVIII столетий... Известно, например, что сочиненное им «Письмо из Эмса» московского боярина XVII ст. ввело в заблуждение присяжного ученого: один специалист в области старинной письменности, признавая подлинность письма, недоумевал только, каким образом боярин XVII ст. мог знать о существовании рулетки.

Но пристрастие к стильности все-таки отразилось на таланте Горбунова, зачастую оно не знало границ, зачастую вырождалось в погоню за очень искусственными эффектами⁴. В этом пристрастии сказывалась склонность Горбунова изображать явления жизни с чисто внешней, «казовой» стороны.

Склонность к подобного рода изображениям не покидает Горбунова, когда от рассказов из фабричного быта он обращается к рассказам из быта крестьянского, купеческого, чиновнического или аристократического. Перед читателем в рассказах Горбунова проходят последовательно представители самых разнообразных общественных ячеек и групп: читатель видит перед собой то старого покроя замоскворецких купцов и купчиков, то добродушных поселян, то приказчиков из Апраксина двора, то мещан и мелких ремесленников, то нищих и убогих, живущих «христовым» подаванием, то беспаспортных бродяг, шатающихся по проезжим дорогам,

---

⁴ См. напр., сцену «Мастеровой» (собр. сочин., т. 1, стр. 366). – Прим. В. Шулятикова. «Мастеровой» – Сцены из городской жизни, 1970.

то возчиков и ямщиков, то работников на перевозе, то лиц духовного звания, то мелких чиновников, то лакеев и прежних дворовых, то эксплуататоров-кулаков, скупающих поместья у разорившихся дворян, то гордых потомков земельной аристократии, то неудачников-интеллигентов, не сумевших выбиться на дорогу и безвольно погибающих жертвами «всесильных» обстоятельств и судьбы, то актеров и т. д. Но, несмотря на многочисленность выведенных на сцену лиц, картина русской жизни, нарисованная Горбуновым, остается неполной, не блещет яркостью красок.

Везде и всегда он не вводит читателя в «святые святых» душевного мира своих героев, но рисует своих героев, стоящими у очага той борьбы за существование, в которую они вовлечены, не раскрывает перед читателями тех настоящих реальных интересов, которые составляют истинное содержание их жизни. Он всегда смотрит на своих героев, так сказать, издали, довольствуясь тем, что передает всегда первое внешнее впечатление, которое они на него издали производят.

В его рассказе «Из московского захолустья» есть следующее характерное место: описывается холерная эпидемия, от холеры умирает один богатый купец; автор предупреждает читателя: не поведу читателя туда, где теперь раздастся надгробное рыдание, где слышится раздирающий душу стон, где из глубины растроганного сердца льются горячие слезы; будем стоять у ворот дома и смотреть, что происходит на ули-

це. Далее автор с точностью исправного хроника сообщает о том, что в калитку юркнули два худеньких человечка в сибирочках⁵ а за ним еще двое... еще... Это гробовщики. Вышли все назад, столпились в кучу, постояли, поговорили, опять ушли в калитку... Опять вышли. Трое отделились, взяли отступного и ушли.

В нескольких шагах от ворот на тумбах расположились какие-то неопределенные личности. Один во фризовой шинели, другой в длинном истрепанном халате, третий в истасканном донельзя вицмундире, четвертый... Это нищие...

Таким именно наблюдателем, отказывающимся приткнуться к самому очагу жизни, смотрящим на нее со стороны, и является сам Горбунов во всех тех из своих произведений, которые признаются наиболее удачными.

Иногда, правда, он ставил себе более широкие задачи, пытался подойти ближе к «сущности жизни», делал, например, попытки набрасывать более обстоятельные сцены из купеческого быта, но, по признанию восторженных почитателей его таланта, эти сцены из купеческого быта, эти изображения повседневной купеческой жизни всего менее удавались ему: в них он не был оригинален⁶. Также неудачны его «драматические этюды», обрисовывающие помещичий быт.

Сильные стороны своего таланта, блеск своего «милого

---

⁵ Сибирочка – старинная верхняя одежда в виде короткого кафтана в талию, со сборами и стоячим воротником.

⁶ См. статью). – Прим. В. Шулятикова. (Имеется в виду статья А.И.Кони.)

и добродушного» юмора Горбунову удавалось обнаружить тогда, когда он описывает уличные сцены, в которых действующим лицом являлась разношерстная толпа, собравшаяся смотреть на какое-нибудь выходящее из ряда вон зрелище или привлеченная каким-нибудь трагическим происшествием (напр., «Гролом убило», «Утопленник», «Затмение солнца», «Воздухоплаватель», «У пушки»⁷). Хороши также его сцены в камере мировых судей, сцены, героями которых являются типичные самодуры старого покроя, не умеющие освоиться с новыми порядками жизни.

Все это очень живые, очень остроумно написанные сцены, по придавать им значение серьезной общественной сатиры, видеть в их авторе писателя с широким общественным мирозерцанием, увлекаться его «либерализмом», – как это делает А.Ф. Кони⁸ – более чем рискованно. Правда, повторя-

---

⁷ «Гролом убило» (1860), «Утопленник» (1861), «Затмение солнца», «Воздухоплаватель», «У пушки» (Сцены из городской жизни. 1870) – произведения И. Ф. Горбунова.

⁸ Ср. например: «Любовь к русскому человеку, несмотря на трезвый взгляд на его слабости и недостатки, теплится и сквозит в этих рассказах. Не закрывая глаз на неприглядные стороны русской жизни, резко оттеня внутренние противоречия и «безобразия», которыми иногда проявляет себя русский человек, Горбунов не забывает про тяжелые исторические условия, оставившие, даже и отойдя в область прошедшего, свой след на нравственном складе и многих сторонах «поведения» этого человека. Крепостное право и дореформенное бессудие наряду со стремительностью и непосредственностью начальственной расправы, тяжкая многолетняя военная служба и мрак невежества, не только не рассеиваемый, но иногда любовно оберегаемый, находят себе место во многих рассказах Горбунова. В области общественной жизни, публичных развлечениях и различных

ем, из Горбунова мог выйти недюжинный сатирик, мог выработаться писатель с широким общественным кругозором. Но этого не произошло. На самом деле Горбунов успокоился на слишком «милом и добродушном» мировоззрении, он слишком твердо усвоил себе урок, преподанный ему «молодой редакцией Москвитянина». Его либерализм разменялся на слишком мелкую монету.

Курьер. 1901. № 271.

Примечания

торжеств творчество Горбунова и его способность подметить, в юмористической форме, выдающиеся внутренние моменты, находила себе обильную пищу». (А. Ф. Кони. И. Ф. Горбунов: биографическая справка // Энциклопедия Брокгауза и Ефрона. 1903).